

ГЕНРИ ДЭВИД
ТОРО

**УОЛДЕН,
или ЖИЗНЬ
В ЛЕСУ**

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 821.111-94(73)+1
ББК 84(7Coe)-44+87.3
Т61

Henry David Thoreau
Walden, or Life in the Woods

Торо, Генри Дэвид.

Т61 Уолден, или Жизнь в лесу / Генри Дэвид Торо : [перевод с английского М. Крузе]. — Москва : Эксмо, 2026. — 400 с. — (Travel story. Рискую жизнью).

ISBN 978-5-04-237557-6

«Уолден, или Жизнь в лесу» — одна из самых популярных книг американского автора Генри Дэвида Торо, впервые опубликованная в 1854 году и ставшая классикой в истории мировой литературы и самой цитируемой книгой среди путешественников.

В этой автобиографической книге Генри Торо подробно описывает свой опыт проживания в одиночестве на берегу Уолденского пруда в лесах Массачусетса, куда он уехал на несколько лет. Он построил хижину и провел там два года, два месяца и два дня, полностью отказавшись от достижений цивилизации.

УДК 821.111-94(73)+1
ББК 84(7Coe)-44+87.3

© Крузе М., перевод на русский язык, 2023
© Шигапов А., литературный редактор, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-237557-6

*Намерение мое — отнюдь не написать оду хандре,
а побахвалиться так же охотно,
как вскакивающий утром на насест петух,
хотя бы для того,
чтобы пробудить соседей.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие, Джон Апдайк	8
Хозяйство	28
Где я жил и зачем я жил.....	123
Чтение	143
Звуки	158
Одиночество	177
Посетители	192
Бобовое поле	207
Поселок	222
Пруды	230
Ферма Бейкера	257
Высшие законы	268
Дикие соседи	287
Новоселье.....	301
Бывшие обитатели и зимние гости	319
Зимние животные	334
Пруд зимой	345
Весна	361
Послесловие	383

ПРЕДИСЛОВИЕ

Спустя полтора века после первой публикации книга «Уолден» стала настоящим символом природозащитного, антирыночного и антигосударственного мировоззрения, под девизом «Назад, к природе». А сам Генри Торо такой пылкий оппозиционер, образцовый сумасброд и святой отшельник, что его творение рискует превратиться в Библию — столь же почитаемую всеми, сколь и не читаемую. Лучшие образцы американской классической литературы, в изобилии появившейся в середине девятнадцатого века — «Алая буква» Готорна (1850), «Моби Дик» Мелвилла (1851) и «Листья травы» Уитмана (1855), — стали наиважнейшим «удобрением почвы» к современному американскому самосознанию. К ним можно добавить потрясший всю страну бестселлер «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу (1852) и множество эссе Эмерсона. «Уолден» в этом смысле внес наибольший вклад. В нашу эпоху информационного стресса, оглушающей пустоты и заполонивших все электронных игр, среди удрученных, во всем сомневающих, лишенных работы людей до сих пор сохраняется мечта: построить домик в лесу, и тем самым преобразовать, упростить и очистить свою жизнь. Говоря звучными словами Торо, «бороться только с существенными жизненными обстоя-

ПРЕДИСЛОВИЕ

тельствами». Благодаря этому и процветает так называемая индустрия отдыха. Растут продажи автодомов, а выходные люди проводят в загородных домах, построенных в северных лесах или западных горах, где почти нет промышленности и торговли. «Упрощай, упрощай», — советует «Уолден», и мы пытаемся, пытаемся. Несмотря на то, что в двадцать первом веке стремление к деревенской природной простоте сопряжено с дороговизной и транспортными хлопотами.

Торо, несомненно, одобрил бы современные попытки осмыслить его взгляды и последовать примеру. «Уолден» нацелен на преобразование, а спорная цель писателя придает этой книге энергию и напор, как-то затерявшиеся в многословии второго сочинения, увидевшего свет при короткой жизни автора — «Неделя на реках Конкорд и Мерримак» (1849).

Как и «Неделя», «Уолден» пестрит воспоминаниями. Он стал плодом постоянного переосмысливания и детализации семи известных черновиков. Торо защищает свое странное затворничество, заявляя с самого начала о себе энергичным и шутивным тоном:

«Я бы не стал посвящать читателей во все подробности своей жизни, если бы не настойчивые расспросы земляков, интересующихся моим бытием. Кто-то счел бы их неуместными, но мне они таковыми не казались, а учитывая обстоятельства, они более чем естественны и актуальны».

Далее описаны обстоятельства, неудовлетворенность повседневностью и мелочными заботами, царившими в окружающем его обществе, а также главное желание — «жить осмысленно, бороться только с существенными

УОЛДЕН, ИЛИ ЖИЗНЬ В ЛЕСУ

жизненными обстоятельствами и осознавать, смог ли я усвоить жизненные уроки. Чтобы не обнаружить в смертный час, что и не жил вовсе». Впрочем, он невольно умалчивает о весьма практичном побуждающем мотиве: желании стать писателем. И, как у многих коллег, нужде в уединенности, тишине и «просторе», где мог бы бродить его разум.

Весной 1845 года Торо построил однокомнатный домик на землях своего наставника Эмерсона, более чем в миле к югу от городка Конкорд, и переехал в него 4 июля, провозгласив собственную независимость. В последующие два года он закончил набросок «Недели на реках Конкорд и Мерримак», позже дополненный. В основу лег сплав на каноэ, совершенный вместе с братом Джоном в 1838 году. Там же написаны первый черновик «Уолдена» и длинное эссе, посвященное Томасу Карлайлу, часть из которого прочитана как лекция в лицее Конкорда в 1846 году.

В июле того же года он отказался платить накопившийся долг по городскому подушному налогу на том основании, что правительство оправдывает и защищает рабство. В результате провел одну ночь в тюрьме, что стало основой знаменитого эссе «Гражданское неповиновение». Чуть позже он впервые поехал в штат Мэн и написал большую часть эссе «Ктаадн».

Торо было двадцать семь лет, когда он поселился в домике у Уолденского пруда. Будущий писатель окончил Гарвард девятнадцатым в рейтинге, пробовал преподавать, помогал своему отцу на семейной карандашной фабрике и подрабатывал у местных жителей за один доллар в день. Два года жил с Эмерсонами в качестве разнорабочего и садовника. Затем покинул Лонг-Айленд, где непродолжительное время давал уроки и изучал литературный

рынок. Несмотря на поддержку Эмерсона, несколько стихотворений, опубликованных в ежеквартальном журнале трансценденталистов *The Dial*, не были замечены. По существу, знаменитым литератором Торо стал лишь после окончания лесной эпопеи 1847 года.

Его внешний вид резко выделялся и не раз упоминался в мемуарах. Придирчивый, но миролюбиво настроенный Готорн, временами живший в Конкорде, в 1842 году описал Торо так: «Молодой человек, в котором все еще сохраняется слишком много дикой первозданной природы... Он страшен, как смертный грех, — длинноносый, с капризным ртом и с неотесанными, какими-то деревенскими, хотя и вежливыми манерами... Кажется, что он ведет индейскую жизнь среди цивилизованных людей. Под «индейской жизнью» я имею в виду отсутствие всяких систематических усилий в добывании средств на жизнь».

Джеймс Кендалл Хосмер вспоминал, как повзрослевший Торо «...стоял в дверях, а его волосы выглядели так, словно причесались сосновой шишкой. Рассеянный взгляд серых глаз, затуманенных глубокими раздумьями о чем-то далеком, выдающийся нос и растрепанная одежда со следами прогулок по лесам и болотам». Его ученик из Нью-Бедфорда, Дэниель Рикетсон, по словам биографа Уолтера Хардинга, вспоминал «мягкость, доброту и ум синих глаз Торо» и отмечал, что «хотя его руки были длинными, ноги короткими, кисти и ступни крупными, а плечи заметно покатыми, во время ходьбы он отличался силой и энергичностью». Голос его гремел, даже к концу тирады, когда утихал из-за туберкулеза.

Последним путешествием писателя стала отчаянная поездка в Миннесоту, ради якобы целительных свойств ее сухого климата. Как вспоминал пастор унитарийской

УОЛДЕН, ИЛИ ЖИЗНЬ В ЛЕСУ

церкви Роберт Кольер, к которому он заглянул в Чикаго, «слова его были столь же явственными и приятными для слуха, как голос великого певца... Он то и дело на мгновение останавливался, подбирая нужное слово. Или с душевраздирающим терпением делал паузу, чтобы справиться с болью в груди. Но когда он заканчивал предложение, оно получалось идеальным и цельным, без изъяна, а слова — совершенными. Когда я время от времени читаю его книги, слышу не свой голос, а звучащий в тот день».

Как же Торо обрел свой литературный голос, куда благозвучнее современному уху, нежели напыщенное, суетное и витиеватое, как и положено бывшему священнослужителю, ораторство Эмерсона? Безграничный простор выразительных и нравоучительных предложений Эмерсона, скорее, утомляет нынешних читателей. Мы словно видим сидящих перед ним слушателей, наслаждающихся эпиграммами и благословениями. Атмосфера Торо более замкнута. Его взор обращен не на аудиторию, а на обширный мир ощущений, увиденных и названных с потрясающей точностью. Возьмем эти фразы, почти из начала «Недели»:

«Мы бесшумно скользили вниз по течению, иногда вспугивая щуренка из его убежища в кувшинках или леща из стайки. Порой медленно и тяжело поднималась маленькая выпь, чтобы ускользнуть от нас, или выпь побольше взлетала из высокой травы при нашем приближении, унося подальше свои длинные ноги, чтобы встать на них в безопасном месте. Черепахи тоже быстро ныряли в воду, когда лодка поднимала рябь на поверхности среди ив, разбивая отражения деревьев. Берега уже не блистали красотой, и еще недавно яркие цветы своими поблекшими красками показывали, что год клонится к закату. Но

эти унылые оттенки придавали натуральность, и в остатках жары берега казались мшистыми стенами колодца с прохладной водой».

Все это — текучее созерцание, скользящее от одной выши к другой, вплоть до парадоксального вывода, что увядающие краски усиливают «натуральность» цветов, словно они выражают какую-то идею. Длинный абзац продолжает список латинских названий цветов на лугах Конкорда, а заканчивается наблюдением автора, как при первых лучах утренней зари на воде внезапно открываются белые кувшинки. «Когда я проплывал мимо, целые поля белых бутонов молниеносной вспышкой открывались передо мной, словно разворачывая знамя». Это не совсем «записки натуралиста», как у Гумбольдта или Одюбона, хотя слова и передают свежесть континента, все еще изучаемого и описываемого. Но это и жизнь, детальная манифестация обнадеживающей философии Эмерсона, изложенной теологическим стилем в его дебютной книге «Природа». Где «каждое природное явление — символ некоего духовного», где Природа лежит в основе Души, где «Душа меняется, формируется, преуспевает». Эмерсон одобрительно цитирует ученого-естествоиспытателя Сведенборга: «Видимый мир и взаимодействие его частей есть циферблат мира невидимого», и утверждает: «Аксиомы физики передают законы этики». Торо, впитавший идеализм Эмерсона, погрузился в великую метафору Природы и тоже превратился в подобие ученого. Как он позже назвал себя, «мистиком, трансценденталистом и вдобавок естествоиспытателем» — и автобиографом. В итоге автор собрал и передал в журналы два миллиона слов: редкие моменты и наблюдения, все более точные и утонченные, собранные отовсюду. Эмерсон, как и другие респектабель-

УОЛДЕН, ИЛИ ЖИЗНЬ В ЛЕСУ

ные жители Конкорда, скептически относился к столь личным и чудаковатым проявлениям, рассказав своему дневнику, что «Торо не хватает немного честолюбия... Вместо того чтобы возглавить американских инженеров, он стал распорядителем на вечеринке еловых шишек». Тяга Торо к фигуральному «сбору шишек» бросала его в дали. Он бродил по побережью Кейп-Кода, где разбиваются волны, и поднимался на скалистую вершину горы Ктаадн в Мэне. Но все равно возвращался в глушь маленького Конкорда — микрокосма, ставшего для него космосом.

В своей работе «Американский Ренессанс» Ф. О. Маттиссен подчеркивает, сколь многим великие писатели этого периода обязаны английским литераторам семнадцатого века — Донну и Герберту, Марвеллу и Брауну, с их верой в согласованность между малым и большим, собственным внутренним миром и внешним миром Природы. «Сердце человека, — писал Донн, — великая книга творений Бога в миниатюре, и человеку незачем искать более». Джордж Герберт выразился так: «Человек — целый мир, и у него имеется еще один, вспомогательный», — таким образом включая Природу в духовные сферы божественной заботы. Во многом благодаря сходству, метафизическая поэзия семнадцатого века разожгла в духовных потомках пуритан пламя интроспективно заряженных частиц.

«Уолден» живет в своих частностях. Длинная вступительная глава «Хозяйство» — веселое и подробное описание строительства дома — «прочный, крытый гонтом и оштукатуренный, десять футов в ширину и пятнадцать футов в длину. Со стойками высотой восемь футов, с чердаком и чуланом; с каждой стороны — по большому окну с опускающимися шторами, одна дверь в торце, а напротив

нее — кирпичный камин», дополненное списком расходов — всего 28 долларов 11,5 цента. Коротко представив миру программу самообеспечения и жизни без излишеств, он перечисляет немногочисленные покупные продукты и блага, полученные с бобовых плантаций длиной в семь миль. Рассказывает, как приготовить пресный ржаной хлеб и индейскую пищу, а также «вкусную патоку из тыквы или свеклы». Во время другого эксперимента автор ест лесного сурка, «несмотря на его мускусный запах», хотя и сомневается, что тот стал бы подходящим товаром в мясной лавке. Он делится с подробностями ведения хозяйства:

«Работу по дому я считал приятным времяпрепровождением. Когда пол загрязнялся, вставал пораньше и выставлял мебель прямо на траву, включая кровать с постельным бельем.

Лил на пол воду и посыпал его белым песком из пруда, а потом скреб щеткой, пока он не становился чистым и белым...»

Затем — и это прием его чуткой, насмешливой одаренности — он созерцает временно вынесенную мебель и подмечает интересную странность:

«Приятно было посмотреть на пожитки, сложенные небольшой грудой на траве и похожие на цыганский тюк. А трехногий стол, с которого не убирались книги, перо и чернильница, стоял среди сосен и орешника... Стоило увидеть солнечные лучи на этих вещах и услышать, как по ним гуляет ветер. Самые привычные вещи выглядят намного интереснее на природе, чем дома».

Торо не был обременен обязанностями, а потому времени хватало посмотреть на многое: как кормят птенцов синицы, как ручейки талой воды струятся вдоль желез-